Сорвать маску

Автор:
Сидни Шелдон

Сорвать маску

Сидни Шелдон

Психоаналитик Джад Стивенс уверен: один из его пациентов – МАНЬЯК-УБИЙЦА…

Но – КТО?

Невротик, действующий в состоянии аффекта?

Респектабельный меланхолик, одержимый депрессией?

Скрывающийся под маской интеллектуала социопат?

Джад ДОЛЖЕН изобличить убийцу во что бы то ни стало – иначе следующей жертвой может стать ОН САМ…

Сидни Шелдон

Сорвать маску

Sidney Sheldon

THE NAKED FACE

© Sidney Sheldon Family Limited Partnership, 1970

© Перевод. В.А. Вебер, 1996

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава 1

Без десяти одиннадцать небо взорвалось и опустилось на землю вихрем белого конфетти, которое мгновенно покрыло город. На уже замерзших улицах Манхэттена мягкий пушистый снег тут же превратился в серую слякоть, которую месили толпы рождественских покупателей, спешащих к теплу своих уютных квартир.

В этой рождественской толпе по Лексингтон-авеню шел высокий стройный мужчина в ярко-желтой куртке. Он шел быстро, с высоко поднятой головой и, казалось, не замечал прохожих, которые случайно сталкивались с ним. После стольких лет чистилища он наконец обрел свободу и теперь торопился к Мэри, чтобы сообщить ей, что с прошлым покончено навсегда. Как она расцветет, услышав новости. Когда он подошел к углу 59-й улицы, зажегся красный свет и ему пришлось остановиться. В нескольких метрах от него стоял Санта-Клаус из Армии спасения, держа большой мешок. Мужчина сунул руку в карман в поисках мелкой монеты. В этот момент его хлопнули по спине, неожиданный сильный удар, который потряс все тело. Наверное, кто-то перепил и теперь выражает дружеские чувства к первому встречному.

Или Брюс Бойд. Брюс, который не сознавал своей силы и имел глупую привычку причинять ему боль. Но он не видел Брюса уже больше года. Мужчина начал оборачиваться, чтобы посмотреть, кто его ударил, но, к своему удивлению, почувствовал, что у него подгибаются колени. Будто наблюдая за собой со стороны, он увидел, как его тело упало на тротуар. Стало трудно дышать. Мимо его лица двигался непрерывный поток башмаков. Прижавшаяся к ледяному асфальту щека начала терять чувствительность. Он понимал, что не должен лежать здесь, и открыл рот, чтобы попросить прохожих помочь ему, но вместо слов наружу хлынула теплая красная струя. Словно зачарованный, он наблюдал,

как она, смешиваясь с тающим снегом, стекала на мостовую. Боль стала сильнее, но он уже ничего не имел против, потому что неожиданно вспомнил про свои хорошие новости. Он свободен. Он хотел сказать Мэри, что он свободен. Мужчина закрыл глаза, уставшие от ослепительной белизны неба. Снег перешел в ледяной дождь, но для него это уже не имело значения.

Глава 2

Кэрол Робертс услышала, как открылась дверь, и, подняв голову, увидела, что в приемную вошли двое. Один – здоровенный мужчина лет сорока, ростом не меньше шести футов трех дюймов, с массивной головой, глубоко посаженными серо-голубыми глазами и тяжелым квадратным подбородком. Второй, помоложе, с более мягкими чертами лица, на котором выделялись живые карие глаза. Впрочем, для Кэрол они выглядели как близнецы: хотя они еще не сказали ни слова, она сразу все поняла. И почувствовала, как под мышками начали выступать капельки пота. Кэрол стала лихорадочно перебирать возможные причины их появления в приемной доктора Стивенса.

Чик? О господи, он уже шесть месяцев старался держаться подальше от всех неприятностей. С той ночи, когда сделал ей предложение и обещал порвать с бандой.

Сэмми? Он за границей, на авиационной базе, и, если с ним что-нибудь случилось, вряд ли ей сообщат об этом таким способом. Нет. Они пришли за ней. У нее в сумочке марихуана, и у кого-то оказался слишком длинный язык. Но почему двое? Кэрол старалась убедить себя, что они ее не тронут. Она уже не та глупая проститутка из Гарлема, которую можно шпынять как угодно, теперь она секретарь одного из крупнейших психоаналитиков страны. Но по мере приближения мужчин ее охватывал страх. Слишком жива была память о годах, проведенных в вонючих переполненных квартирах, куда с дубинкой в руках врывался белый закон и уводил отца, брата, сестру.

Но смятение в ее душе никак не выражалось внешне. Детективы видели перед собой лишь молодую красивую негритянку в изящном бежевом платье. Ее голос прозвучал холодно и безразлично: «Чем я могу вам помочь?»

Тут Эндрю Макгрейви, старший детектив, заметил темное пятно, появившееся под рукавом. «Интересно, – подумал он, – чем это так взволнована секретарь доктора?» Макгрейви вытащил бумажник с облупившейся бляхой и, раскрыв его, сказал:

– Лейтенант Макгрейви. Девятнадцатый участок. – И, повернувшись к своему спутнику, добавил: – Детектив Анджели. Мы из отдела убийств.

Убийств? Кэрол непроизвольно вздрогнула. Чик! Он кого-то убил. Он нарушил обещание и вновь спутался с бандой. Он участвовал в ограблении и кого-то застрелил. Или… Неужели застрелили его? Он мертв! Они пришли, чтобы сказать ей об этом. Кэрол почувствовала, что пятно пота продолжает расширяться, и тут же поняла, что Макгрейви, хотя и смотрел ей прямо в глаза, тоже это заметил. Она и Макгрейви этого мира не нуждались в объяснениях, они понимали друг друга с полуслова. Ведь они знакомы не одну сотню лет.

– Мы хотели бы поговорить с доктором Джадом Стивенсом, – сказал молодой детектив. Мелодичный, вежливый голос вполне сочетался с его приятной внешностью. Тут Кэрол заметила, что в руке он держал небольшой сверток, перевязанный бечевкой.

Смысл сказанного не сразу дошел до Кэрол. Значит, это не Чик. И не Сэмми. И не марихуана.

– Мне очень жаль, – ответила она, с трудом скрыв облегчение, – но у доктора пациент.

– Нам нужно лишь несколько минут, – вмешался Макгрейви. – Мы хотим кое-что выяснить. – И, помолчав, добавил: – Мы можем поговорить здесь или в полиции.

Кэрол взглянула на них с удивлением: какие общие дела могут быть у доктора Стивенса с отделом убийств? Что бы там полиция ни думала, доктор никогда не нарушал закона. Она очень хорошо его знала. Как давно это случилось? Четыре года назад. Все началось в зале суда…

Было три часа ночи, и мертвенный свет дневных ламп придавал цвету кожи сидящих в зале нездоровый оттенок. Старая грязная комната насквозь пропиталась запахом страха, накапливавшимся в ней многие десятилетия.

Конечно, Кэрол не повезло, что она вновь попала к судье Мюрфи. Она стояла перед ним всего две недели назад, и он отпустил ее на поруки. Первое правонарушение. В том смысле, что эти мерзавцы поймали ее первый раз. А уж теперь судья отправит ее в каталажку.

Заканчивался разбор очередного дела. Высокий, спокойного вида мужчина стоял перед судьей и что-то говорил о своем подзащитном, дрожащем толстяке в наручниках. «Да, – подумала Кэрол, – этот знает, что сказать. Повезло толстяку. А кто заступится за меня?»

Толстяка увели, и Кэрол услышала свое имя. Она встала, прижимая колени друг к другу, чтобы скрыть дрожь. Судебный пристав подтолкнул ее к скамье, клерк передал судье обвинительный лист.

– Кэрол Робертс, приставание к мужчинам на улице, бродяжничество, хранение марихуаны и сопротивление аресту.

Последнее было полным враньем. Полицейский шлепнул ее по заднице, а она лягнула его в ответ. В конце концов, у нее есть все права американского гражданина.

– Я тебя видел здесь несколько недель назад, не так ли, Кэрол? – спросил судья.

Она постаралась, чтобы ее голос звучал неопределенно.

– Мне кажется, да, ваша честь.

– И я отпустил тебя на поруки?

– Да, сэр.

– Сколько тебе лет?

Она ждала этого вопроса.

– Шестнадцать. У меня сегодня день рождения. Счастливый день рождения. – Кэрол разрыдалась.

Тот высокий мужчина стоял у стола судьи, складывая в портфель какие-то бумаги. Услышав рыдания Кэрол, он поднял голову и пристально посмотрел на нее. Затем что-то сказал судье Мюрфи.

Судья объявил перерыв и вместе с мужчиной вышел из зала. Минут через пятнадцать, когда судебный пристав привел Кэрол в комнату судьи, мужчина что-то горячо ему доказывал.

– Тебе повезло, Кэрол, – сказал судья. – Мы дадим тебе еще один шанс. Суд освобождает тебя под личную ответственность доктора Стивенса.

Значит, он не судейский, а лекарь. Да пусть хоть Джек Потрошитель. Лишь бы выбраться отсюда до того, как они выяснят, когда у нее день рождения.

Доктор отвез ее к себе домой, по дороге болтая о всякой ерунде и ни о чем не спрашивая Кэрол, чтобы дать ей время прийти в себя. Машина остановилась перед современным зданием на 71-й улице, неподалеку от Ист-Ривер. Дверь открыл швейцар, лифтер отвез их на пятый этаж, и по вежливым приветствиям обоих можно было подумать, что для доктора самое обычное дело приходить домой в три часа ночи и непременно с шестнадцатилетней чернокожей проституткой.

Кэрол никогда не видела такой квартиры. Огромная гостиная, выдержанная в светлых тонах, две низкие длинные кушетки, покрытые желтоватым твидом, между ними квадратный кофейный стол с верхом из толстого стекла, на нем – большая шахматная доска с резными фигурками. На стенах – картины, в прихожей – телевизионный монитор, показывающий вход в подъезд. В углу гостиной – бар с полками, уставленными хрустальными бокалами и графинами. В окне, далеко внизу, Кэрол видела крохотные суденышки, плывущие по Ист-Ривер.

– Суды всегда вызывают у меня чувство голода, – сказал Джад. – Почему бы нам не организовать скромный праздничный ужин?

И отвел Кэрол на кухню, где под ее удивленным взглядом быстро приготовил омлет, жареную картошку, оладьи, салат и кофе.

– Одно из преимуществ холостяцкой жизни, – пояснил он. – Если хочется есть, все можешь сделать сам.

Значит, он холостяк и живет один. Ну, детка, только не ошибись, это может обернуться выгодным дельцем.

После ужина Джад показал Кэрол ее спальню, большую часть которой занимала двуспальная кровать, застеленная синим, в тон обоев, покрывалом. У стены стоял небольшой шкаф темного дерева.

– Ты будешь спать здесь, – сказал Джад. – Сейчас я принесу пижаму.

Оставшись одна, Кэрол подумала: «Ну, детка, ты сорвала банк. Выходит, его потянуло на черненькое. И ты, крошка, дашь ему все, что нужно».

Она разделась и следующие полчаса провела под душем. Выйдя из ванной, завернутая в мохнатое полотенце, Кэрол увидела лежащую на кровати пижаму. Понимающе улыбнувшись, она сбросила полотенце на пол и прошла в гостиную. Никого. Она заглянула в дверь, ведущую в кабинет. Джад сидел в большом удобном кресле и что-то читал при свете настольной лампы. Вдоль стен, от пола до потолка, стояли полки с книгами. Подойдя сзади, Кэрол поцеловала его в шею.

– Давай начнем, беби, – прошептала она. – Чего мы ждем?

Секунду его спокойные темно-серые глаза разглядывали Кэрол.

– У тебя мало неприятностей? – мягко спросил он. – Тому, что ты родилась негритянкой, конечно, не поможешь. Но кто сказал, что в шестнадцать лет ты должна стать проституткой и наркоманкой?

Кэрол в замешательстве посмотрела на доктора.

– Чего тебе хочется, беби? Только скажи, я на все согласна.

– Хорошо. Давай поговорим.

– Поговорим?

– Совершенно верно.

И они поговорили. До самого утра. Так проводить ночь Кэрол еще не приходилось. Доктор Стивенс перескакивал с одного предмета на другой, изучая, приглядываясь к ней. Он спрашивал, что она думает о Вьетнаме, негритянских гетто, студенческих волнениях. Как только Кэрол казалось, что она понимает, о чем он спрашивает, доктор менял тему разговора. Они говорили о вещах, которые она слышала впервые, и о том, в чем считала себя непревзойденным знатоком. Не один раз в последующие месяцы, думая о той удивительной ночи, Кэрол пыталась вспомнить, какая же фраза, слово, идея, произнесенная тогда, изменили всю ее жизнь. И лишь гораздо позже она поняла, что это бесполезно. Бесполезно искать фразу, слово, идею. Доктор Стивенс сделал очень простую вещь: он поговорил с ней. По-настоящему поговорил. Чего раньше ни кто не делал. Он отнесся к ней как к человеческому существу, равному себе, чьи суждения и чувства ему небезразличны.

В какой-то момент Кэрол осознала, что сидит совершенно голая, и пошла в спальню надеть пижаму. Джад вошел вслед за ней, сел на краешек кровати, и они снова начали говорить. О Мао Цзэдуне, хулахупе, противозачаточных таблетках… И о том, каково иметь мать и отца, никогда официально не регистрировавших свои отношения. Кэрол рассказала ему многое из того, что не доверяла никому. И когда она наконец заснула, то чувствовала себя совершенно опустошенной. Будто ей сделали серь езную операцию и, вскрыв огромный нарыв, выпустили весь гной.

Утром после завтрака Джад протянул ей сто долларов.

Поколебавшись, Кэрол сказала:

– Я наврала. Насчет дня рождения.

– Я знаю, – улыбнулся Джад. – Но мы не станем говорить об этом судье. – Затем его тон изменился. – Ты можешь взять деньги, уйти отсюда и никто не будет тебя беспокоить до тех пор, пока ты вновь не попадешь в полицию. – И, помолчав, добавил: – Мне нужна секретарша. По-моему, ты идеально подходишь для этой работы.

Кэрол изумленно взглянула на него.

– Вы шутите. Я не умею ни печатать, ни стенографировать.

– Если ты вернешься в школу, всему этому можно научиться.

Она пристально посмотрела на доктора и воскликнула:

– Как же я об этом не подумала раньше! Конечно, я так и сделаю.

Теперь ей не терпелось выбраться отсюда с сотней долларов в кармане и похвалиться ими в аптеке Фишмана в Гарлеме, где собирались ее друзья. На эти деньги она целую неделю сможет провести в свое удовольствие.

Когда Кэрол вошла в аптеку, ей показалось, что она никуда и не уходила. Те же лица, те же бесцельные разговоры. Она снова попала домой. Но забыть квартиру доктора Кэрол не смогла. Дело, конечно, не в обстановке. Квартира казалась ей маленьким островком, спокойным и чистым, находящимся в другом мире. И доктор показал ей, как туда попасть. Что она здесь потеряла? Казалось, над его словами можно лишь посмеяться, но у нее ничего не получалось.

К своему удивлению, Кэрол записалась в вечернюю школу. Она оставила свою комнату с ржавой раковиной, сломанным туалетом и скрипучей кроватью и переселилась к родителям. Пока она училась, доктор Стивенс платил ей небольшое пособие. Школу Кэрол окончила на отлично. Доктор пришел на выпускной вечер, и его глаза лучились гордостью за ее успехи. Затем она поступила на курсы подготовки секретарш. На следующий день после окончания курсов Кэрол работала у доктора Стивенса и теперь могла позволить себе собственную квартиру.

Все четыре года доктор относился к ней с той же сдержанной вежливостью, как и в ночь их знакомства. Сначала Кэрол ждала, когда же он скажет что-нибудь насчет того, кем она была и кем стала. Но потом наконец поняла, что доктор всегда видел ее такой, как теперь. Просто он помог ей найти себя. Если у нее возникали проблемы, он обязательно находил время, чтобы обсудить их. В последнее время Кэрол собиралась рассказать о том, что произошло между ней и Чиком, и спросить, стоит ли говорить Чику о своем прошлом, но все откладывала этот разговор. Она хотела, чтобы доктор Стивенс гордился ею. Ради него она была готова на все.

И вот теперь его хотят видеть два детектива из отдела убийств.

Макгрейви начал терять терпение.

– Ну так как же, мисс? – спросил он.

– Я не имею права беспокоить доктора, когда у него пациент, – ответила Кэрол, но, увидев выражение глаз Макгрейви, тут же добавила: – Я ему позвоню. – Она сняла трубку и нажала кнопку внутренней связи. Через тридцать секунд в приемной раздался голос доктора:

– Да?

– Вас хотят видеть два детектива, доктор. Они из отдела убийств.

Она ждала изменений в его голосе… появления нервозности, страха. Но в ответ раздалось лишь короткое: «Пусть подождут», и доктор оборвал связь.

Волна радости захлестнула Кэрол. Конечно, они могут испугать ее, но с доктором у них ничего не выйдет. Она вызывающе посмотрела на стоящих перед ней мужчин.

– Вы слышали, что он сказал?

– Когда пациент должен уйти? – спросил Анджели. Кэрол взглянула на часы.

– Через двадцать пять минут. После него сегодня уже никто не придет.

Мужчины переглянулись.

– Мы подождем, – вздохнул Макгрейви. Они сели. Макгрейви некоторое время разглядывал Кэрол.

– Мне кажется, я тебя где-то встречал, – наконец сказал он. Значит, она права. Им нужен совсем не доктор.

– Вы же знаете, как говорят, – ответила она, – мы все на одно лицо.

Глава 3

Ровно через двадцать пять минут Кэрол услышала, как щелкнул замок в двери, ведущей из кабинета доктора прямо в общий коридор. Прошло еще несколько минут, и доктор Стивенс вышел в приемную. Увидев Макгрейви, он, секунду поколебавшись, спросил:

– Мы с вами знакомы, не так ли?

– Да, – бесстрастно ответил детектив. – Лейтенант Макгрейви. – И, кивнув в сторону своего спутника, добавил: – Детектив Френк Анджели.

Джад и Анджели обменялись рукопожатием.

– Входите, – сказал доктор.

Мужчины прошли в кабинет, и дверь захлопнулась. Кэрол изумленно смотрела им вслед, стараясь понять, что к чему. Большому детективу явно не понравился доктор Стивенс. Но, возможно, он вообще недолюбливает врачей. Впрочем, в одном Кэрол не сомневалась: вечером платье придется отдать в чистку.

Свой кабинет Джад обставил в стиле французского загородного дома. Никаких письменных столов. Легкие кресла и небольшие низкие столики с антикварными лампами на них. На полу мягкий ковер с красивым рисунком, у дальней стены удобная кушетка. На стенах ни одного диплома. Впрочем, как Макгрейви выяснил перед тем как прийти сюда, если бы доктор Стивенс захотел, на стене не осталось бы свободного места.

– Я впервые попал к психиатру, – заметил Анджели. Кабинет явно произвел на него впечатление. – Я бы не отказался иметь такую квартиру.

– В такой обстановке пациенту легче расслабиться, – объяснил доктор. – И, между прочим, я психоаналитик.

– Извините, – смутился Анджели. – А в чем, собственно, разница?

– Примерно пятьдесят долларов в час, – ответил Макгрейви и, обращаясь к доктору, добавил: – Мой напарник не очень разбирается в подобных тонкостях.

Напарник. И тут Джад вспомнил. Напарника Макгрейви застрелили, а его самого ранили во время стычки с бандитами, грабившими винный магазин, четыре или пять лет назад. По обвинению в этом преступлении арестовали некоего Амоса Зиффрена. Адвокат обвиняемого настаивал на оправдании своего клиента, ссылаясь на невменяемость последнего во время ограбления. Джада защита пригласила в качестве эксперта для обследования Зиффрена. Обследование показало, что тот страдает прогрессивным парезом, приведшим к необратимым изменениям в психике. На основании этого заключения Зиффрен избежал смертного приговора и его отправили в психиатрическую лечебницу.

– Теперь я вас вспомнил, – сказал Джад. – Дело Зиффрена. Вы получили три пули, а вашего напарника убили.

– Я тоже вас помню. Вы помогли преступнику избежать электрического стула.

– Что я могу для вас сделать?

– Нам нужно выяснить некоторые вопросы, – ответил Макгрейви и посмотрел на Анджели. Тот начал развязывать бечевку на свертке, который держал в руках.

– Мы хотим, чтобы вы опознали одну вещь. – Голос Макгрейви вновь стал совершенно бесстрастным.

Анджели развернул бумагу. В руках у него оказалась ярко-желтая куртка.

– Вы не видели ее раньше?

– Она похожа на мою, – удивленно ответил Джад.

– Она ваша. Во всяком случае, на подкладке написано ваше имя.

– Как она к вам попала?

– А как, по вашему мнению, она могла к нам попасть?

Джад пристально посмотрел на Макгрейви, затем взял со стола трубку и начал неторопливо набивать ее табаком из стоящего рядом кувшинчика.

– Думаю, будет лучше, если вы объясните мне, что все это значит, – спокойно ответил он.

– Мы хотим разобраться с этой курткой. Если она ваша, то нам интересно узнать, почему она находится не у вас?

– В этом нет ничего странного. Когда сегодня утром я вышел из дому, шел небольшой дождь. Мой плащ в чистке, поэтому пришлось надеть эту желтую куртку. Обычно я езжу в ней на рыбалку. Один из моих пациентов пришел без плаща. Как раз перед его уходом пошел сильный снег, поэтому я одолжил ему свою куртку. – Джад замолчал, не ожиданно встревоженный. – Что с ним случилось?

– Случилось с кем? – переспросил Макгрейви.

– С моим пациентом Джоном Хансеном.

– Вы попали в самую точку, док, – тихо сказал Анджели. – Мистер Хансен не смог принести куртку сам, потому что он мертв.

– Мертв? – вздрогнул Джад.

– Кто-то воткнул ему в спину нож, – пояснил Макгрейви.

Джад недоверчиво посмотрел на него. Детектив взял у Анджели куртку и развернул ее так, чтобы доктор мог видеть длинный разрез. На подкладке отчетливо выделялись бурые пятна. Джад почувствовал, как к горлу подкатывается тошнота.

– Кто же хотел его убить?

– Мы надеялись, что вы сможете сказать нам об этом, доктор Стивенс, – сказал Анджели. – Кто знал мистера Хансена лучше, чем его психоаналитик.

Джад беспомощно покачал головой.

– Когда это случилось?

– В одиннадцать утра, – ответил Макгрейви. – На Лексингтон-авеню, в квартале отсюда. Наверное, не один десяток людей видели, как он упал, но все они так торопились домой готовиться к празднованию Рождества Христова, что оставили его лежать, пока он не истек кровью.

Джад схватился рукой за край стола, костяшки пальцев побелели.

– Когда Хансен пришел к вам сегодня?

– В десять утра.

– Сколько времени вы обычно проводите с пациентом, доктор?

– Пятьдесят минут.

– Он сразу же ушел?

– Конечно. Меня уже ждал следующий.

– Он вышел через приемную?

– Нет. Мои пациенты входят через приемную, а выходят здесь. – Доктор показал на дверь, ведущую в общий коридор. – Таким образом они не встречаются друг с другом.

– Итак, – кивнул головой Макгрейви, – Хансена убили, как только он вышел отсюда. Почему он приходил к вам, доктор?

– Мне очень жаль, – поколебавшись, ответил Джад, – но я не имею права обсуждать подобные вопросы.

– Кто-то его убил, – продолжал настаивать Макгрейви, – и вы могли бы помочь нам найти убийцу.

У Джада погасла трубка, и он неторопливо раскурил ее вновь.

– Когда вы начали лечить Хансена? – Теперь вопросы задавал Анджели.

– Три года назад.

– Не могли бы вы припомнить кого-нибудь, кто ненавидел Хансена? А может быть, он к кому-то испытывал подобное чувство?

– Если бы такой человек существовал, – ответил Джад, – я бы вам сказал. Полагаю, что мне известно все, что можно знать о Джоне Хансене. Он радовался жизни. Причин ненавидеть кого-либо у него не было, и я не знаю, кто мог ненавидеть его.

– Тем лучше для Джона. Вы, похоже, прекрасный доктор, мистер Стивенс, – сказал Макгрейви. – Мы возьмем с собой его карту.

– Нет.

– Мы можем получить разрешение суда.

– Пожалуйста. Но для вас в ней нет ничего интересного.

– Что случится, если вы отдадите ее нам? – спросил Анджели.

– Это может повредить жене Хансена и его детям. Вы на неправильном пути. Я уверен, что убийца не знаком с Хансеном.

– А я в это не верю, – буркнул Макгрейви.

Анджели завернул куртку в бумагу и перевязал сверток бечевкой.

– Мы вернем ее вам после окончания расследования.

– Можете оставить ее себе.

Макгрейви открыл дверь, ведущую в коридор.

– Мы будем держать вас в курсе, док. – И он вышел из кабинета.

Анджели кивнул Джаду и последовал за старшим детективом.

Когда Кэрол вошла в кабинет, Джад все еще смотрел им вслед.

– Что-нибудь случилось? – озабоченно спросила она.

– Кто-то убил Джона Хансена.

– Убил?

– Его зарезали.

– О Боже? Но почему?

– Полиция не знает.

– Какой кошмар! Смогу ли я чем-нибудь помочь, доктор?

– Если вам не трудно, Кэрол, приведите все в порядок, а потом закройте кабинет. Я поеду к миссис Хансен и сам сообщу ей о случившемся.

– Не беспокойтесь, я все сделаю, – успокоила его Кэрол.

– Спасибо. – И Джад вышел из кабинета.

Через тридцать минут, когда Кэрол уже разложила карты сегодняшних пациентов и запирала свой стол, дверь в приемную открылась. Шел уже седьмой час, и к этому времени в здании обычно не оставалось ни души. Подняв голову, Кэрол увидела незнакомого мужчину, приближающегося к ней с улыбкой на лице.

Глава 4

Джад вышел на улицу и, сев в машину, поехал куда глаза глядят, погруженный в свои мысли. Хансен проложил путь через ад и на пороге свободы… До чего же это несправедливо.

На углу Джад заметил телефонную будку и тут вспомнил, что обещал своим друзьям Петеру и Норе Хадли прийти к ним на обед. Но после случившегося он никого не хотел видеть. Остановив машину, Джад вошел в будку и набрал номер Хадли. К телефону подошла Нора.

– Ты опаздываешь. Откуда ты звонишь?

– Нора, – ответил Джад, – прошу прощения, но, боюсь, я не смогу приехать сегодня.

– Он не сможет! – воскликнула Нора. – А тут сидит роскошная блондинка, которая жаждет с тобой познакомиться.

– Как-нибудь в другой раз. Я сегодня действительно не могу. Пожалуйста, извинись за меня.

– Ох уж эти врачи, – хмыкнула Нора. – Подожди минутку, я позову твоего дружка.

Петер взял трубку:

– Что случилось, Джад?

– Просто тяжелый день, – поколебавшись, ответил он. – Завтра я тебе обо всем расскажу.

– Ты упускаешь бесподобный шведский стол. И такую красавицу.

– Я еще с ней познакомлюсь, – пообещал Джад. Он услышал быстрый шепот, а затем трубку снова взяла Нора.

– Она придет к нам на рождественский ужин. А ты?

– Мы поговорим об этом позднее, – ответил Джад. – Извини за сегодняшний вечер. – И он повесил трубку. Как бы потактичнее намекнуть Норе, чтобы она перестала подыскивать ему подходящую партию?

Джад женился на последнем курсе колледжа. Элизабет, умная, красивая, веселая девушка, училась там же на факультете социологии. Они очень любили друг друга и вместе строили радужные планы о том, как переделать мир, в котором будут жить их дети. Но в канун первого Рождества их совместной жизни Элизабет и их еще не родившийся ребенок погибли в автомобильной катастрофе. Джад попытался утопить свое горе в работе и за сравнительно короткое время стал одним из лучших психоаналитиков страны. Но до сих пор он не мог заставить себя праздновать Рождество в компании других людей. Этот день, хотя он понимал, что это глупо, принадлежал Элизабет и их ребенку.

Выехав на Ист-Ривер-драйв, он направился в сторону Меррит-Парквей и через полтора часа уже ехал по Коннектикутскому шоссе. Укутанная снегом природа напоминала картинку на новогодней поздравительной открытке. Джад проехал Уэстпорт и Денбюри, стараясь думать только о бесконечной ленте дороги, вьющейся под колесами его автомобиля. Когда его мысли возвращались к Хансену, он заставлял себя переключаться на другое. И лишь гораздо позд нее, полностью вымотанный, Джад развернул машину и поехал домой.

Майк, швейцар, обычно встречающий его улыбкой, держался очень сдержанно, поглощенный, казалось, собственными мыслями.

В вестибюле Джад встретил Бена Каца, управляющего, который, нервно махнув ему рукой, тут же скрылся в своей квартире. «Что с ними сегодня? – подумал Джад. – Или это мои нервы?»

Он вошел в лифт.

Эдди, лифтер, кивнул, сказав: «Добрый вечер, мистер Стивенс», – и нажал кнопку, стараясь не смотреть на доктора.

– Что-нибудь случилось? – спросил Джад.

Эдди быстро покачал головой, по-прежнему глядя в сторону.

«О Господи, – подумал Джад, – еще один кандидат на мою кушетку».

Лифтер открыл дверь, и Джад, выйдя на лестничную площадку, направился к своей квартире. Не слыша стука закрывающейся двери лифта, он обернулся. Эдди пристально смотрел на него. Но как только Джад открыл рот, чтобы спросить, в чем дело, тот быстро за хлопнул дверь и нажал кнопку первого этажа. Джад пожал плечами, достал ключ и, открыв замок, вошел в квартиру.

Во всех комнатах горел свет. Лейтенант Макгрейви в гостиной рассматривал содержимое выдвинутого из стола ящика. Из спальни появился Анджели. Джад почувствовал, как в нем закипает злость.

– Что вы делаете в моей квартире?

– Ждем вас, мистер Стивенс, – ответил Макгрейви.

Джад подошел поближе и задвинул ящик, чуть не прищемив детективу пальцы.

– Как вы сюда попали?

– У нас есть ордер на обыск, – ответил Анджели.

Джад изумленно посмотрел на него:

– Ордер на обыск? Моей квартиры?

– Вопросы задаем мы, доктор, – заметил Макгрейви.

– Вы можете не отвечать на них, – добавил Анджели. – Прошу учесть, что сказанное вами может использоваться против вас.

– Вы не хотите позвонить адвокату? – поинтересовался Макгрейви.

– Мне не нужен адвокат. Я уже сказал, что одолжил Хансену куртку этим утром и больше ее не видел, пока вы не принесли ее ко мне в кабинет. Я не мог его убить. Весь день я провел в кабинете с пациентами. Мисс Робертс может это подтвердить.

Макгрейви и Анджели обменялись многозначительными взглядами.

– Что вы делали после того, как покинули кабинет? – спросил Анджели.

– Просто ездил на машине.

– Куда?

– В Коннектикут.

– Вас мог кто-нибудь видеть?

– Нет.

– Может быть, вы где-то останавливались, – предположил Анджели.

– Нет. Какое имеет значение, куда я ездил сегодня вечером? Хансена убили утром.

– Вы не возвращались в свой кабинет? – небрежно спросил Макгрейви.

– Нет. А что?

– Дверь в ваш кабинет оказалась взломанной. Не могли бы вы поехать туда с нами? Возможно, что-то украдено.

– Конечно. Кто сообщил об этом?

– Ночной сторож, – ответил Анджели. – Вы держите в кабинете ценности, доктор? Деньги? Лекарства?

– Наркотиков там нет. Денег тоже. В моем кабинете нечего красть. Я ничего не понимаю.

– Ну и прекрасно, – подвел черту Макгрейви. – Пора ехать.

В приемной царил хаос: кто-то вытащил все ящики, а их содержимое разбросал по полу. Джад не верил своим глазам.

– Как вы думаете, доктор, что они искали? – спросил Макгрейви.

– Не имею понятия, – ответил Джад и, подойдя к двери, ведущей в кабинет, открыл ее. Макгрейви следовал за ним по пятам.

Он увидел перевернутые столики, разбитые лампы, залитый кровью ковер. В дальнем углу лежало обнаженное тело Кэрол Робертс со связанными за спиной руками. На груди и бедрах виднелись ожоги от кислоты, пальцы правой руки были сломаны, а лицо превращено в сплошной синяк.

Оба детектива пристально наблюдали за доктором.

– Вы побледнели, – заметил Анджели. – Присядьте.

Джад покачал головой и несколько раз глубоко вздохнул. Когда он заговорил, его голос дрожал от ярости:

– Кто, кто это сделал?

– Именно это мы и хотим услышать от вас, доктор Стивенс, – ответил Макгрейви.

Джад взглянул ему прямо в глаза.

– Никто не мог сделать такое с Кэрол. За всю жизнь она никому не причинила зла.

– Думаю, вам пора придумать что-нибудь еще, доктор, – рявкнул Макгрейви. – Вы не знаете человека, который мог бы ненавидеть Хансена, но ему воткнули нож в спину. Кэрол никому не причинила зла, но ее облили кислотой и замучили до смерти. А вы стоите здесь и говорите нам, что никто не хотел их обидеть. Хватит играть комедию. Вы что, слепой и глухой? Девушка работала у вас четыре года. Вы – психоаналитик. Неужели я поверю, что вы ничего не знали о ее личной жизни?

– Конечно, нет, – сухо ответил Джад. – У нее есть молодой человек, за которого она собиралась замуж.

– Чик. Мы уже говорили с ним.

– Но он никогда не сделал бы такого. Он хороший парень и любил Кэрол.

– Когда вы в последний раз видели ее в живых? – спросил Анджели.

– Я говорил вам. Перед тем как уехать, я попросил Кэрол закрыть кабинет. – Джад сглотнул и снова глубоко вздохнул.

– Вы ожидали кого-нибудь еще из пациентов?

– Нет.

– Как вы думаете, не мог ли это совершить какой-то маньяк?

– Такое может сделать только маньяк, но и он должен иметь повод для своих действий.

– Я с этим полностью согласен, – заметил Макгрейви.

– Почему она до сих пор лежит здесь? – сердито спросил Джад, снова взглянув на тело Кэрол, теперь напоминающее старую тряпичную куклу, выброшенную за ненадобностью.

– Сейчас ее уберут, – успокоил его Анджели. – Судебный медик и наши парни из отдела убийств уже закончили.

Джад повернулся к Макгрейви:

– Значит, вы оставили ее в таком виде специально для меня?

– Да, и я снова хочу спросить вас, ради чего в этом кабинете можно пойти на такое? – Он махнул рукой в сторону тела Кэрол.

– Не знаю.

– А то, что касается ваших пациентов?

– Нет, – покачал головой Джад.

– Вы не очень стремитесь нам помочь, не так ли, доктор?

– Неужели вы думаете, что я не хочу увидеть пойманного вами убийцу? – рассердился Джад. – Если бы мои записи оказались полезными для вас, я бы тут же сказал об этом. Я знаю своих пациентов. Ни один из них не мог убить Кэрол.

Это сделал посторонний человек.

– Почему вы так уверены в том, что никто не охотился за вашими записями?

– Их не тронули.

Макгрейви с любопытством посмотрел на него.

– Откуда вы знаете? Вы же их еще не видели.

Джад подошел к стене и под настороженными взглядами детективов нажал на небольшую деревянную пластинку. Часть стены отошла в сторону, открыв несколько вместительных полок, уставленных магнитофонными кассетами.

– Я записываю все беседы с моими пациентами, – объяснил Джад. – И держу пленки здесь.

– Не могли они пытать Кэрол, чтобы заставить ее сказать, где пленки?

– Эти записи ни для кого не представляют интереса. Надо искать другой повод для убийства Кэрол.

Джад еще раз взглянул на истерзанное тело и почувствовал, как его переполняет бессильная слепая ярость.

– Вы должны найти того, кто это сделал.

– Я постараюсь, – сказал старший детектив, глядя ему прямо в глаза.

Макгрейви попросил своего напарника отвезти Джада домой.

– У меня еще есть кое-какие дела, – объяснил он. – Спокойной ночи, доктор. – И, повернувшись, пошел вдоль улицы.

– Поехали, – поторопил доктора Анджели. – Я закоченел.

Джад сел на переднее сиденье рядом с детективом, и машина тут же тронулась.

– Я должен сообщить семье Кэрол, – сказал доктор.

– Мы уже позаботились об этом.

Джад кивнул. Конечно, он все равно должен их повидать, но пока с этим можно повременить. «Интересно, – подумал он, – чем собирается заняться лейтенант Макгрейви в такое время».

Будто читая его мысли, Анджели сказал:

– Макгрейви – хороший полицейский. Он считает, что Зиффрен заслужил электрический стул за убийство его напарника.

– Зиффрен – сумасшедший.

– Я вам верю, доктор.

«А вот Макгрейви – нет», – подумал Джад.

* * *

Городской морг выглядел так же, как и любой другой в три часа ночи, если не считать того, что какой-то шутник повесил над дверью венок из остролиста. «Что это, – подумал Макгрейви, – избыток юмора или просто мрачная шутка?»

Вскрытие еще не закончилось, и детективу пришлось подождать в коридоре. Наконец судебный медик пригласил его в секционную. Когда Макгрейви вошел, тот мыл руки над большой белой раковиной. Ответив на вопросы, медик тут же ушел, а он оставался там довольно долго, переваривая полученную информацию. Затем он вышел на улицу, оглядываясь в поисках такси. Бесполезно. Эти сукины дети, наверное, отправились на Бермудские острова. Наконец Макгрейви увидел проезжавшую патрульную машину, остановил ее и, показав свое удостоверение, приказал отвезти себя в Девятнадцатый участок.

Войдя в здание полицейского участка, он увидел Анджели.

– Они как раз закончили вскрытие Кэрол Робертс.

– И?..

– Она была беременна.

Анджели удивленно посмотрел на него.

– На четвертом месяце. Для безопасного аборта уже поздно, а со стороны еще незаметно.

– Вы думаете, что это имеет отношение к убийству?

– Ты задал хороший вопрос. Если в этом виноват ее приятель и они собирались пожениться, тогда ничего особенного. Они бы поженились, а через пару месяцев родился бы ребенок. Это случается сплошь и рядом. С другой стороны, если бы он это сделал и не хотел жениться на ней, тоже ничего особенного. Она осталась бы с ребенком без мужа. Такое случается еще чаще.

– Мы говорили с Чиком. Он собирался на ней жениться.

– Я знаю. Поэтому я спросил себя, какой из всего этого можно сделать вывод. Мы имеем беременную негритянку. Она идет к отцу ребенка и сообщает ему, что скоро станет мамой, и он ее убивает.

– Для этого он должен быть чокнутым.

– По-моему, все не так просто. Предположим следующее: Кэрол пришла и сказала, что хочет сохранить ребенка и не делать аборт. Хотя бы для того, чтобы шантажировать отца и заставить его жениться на ней. Допустим, он уже женат. Или он – белый. А возможно, он – знаменитый врач с обширной практикой. Если об этом становится известно, его карьера кончена. Кто, черт побери, пойдет к психоаналитику, который обрюхатил свою чернокожую секретаршу и женился на ней?

– Стивенс – врач, – заметил Анджели, – и наверняка знает десяток способов убрать ее, не вызывая подозрений.

– Может, да. А может, и нет. Если обнаружится малейшая улика и след приведет к нему, отвертеться будет нелегко. Он покупает яд – кто-то делает отметку о продаже. Он покупает нож или веревку – их тоже можно проследить до продавца. Но посмотри на этот маленький спектакль: приходит какой-то маньяк и без всякой причины убивает секретаршу, а доктор становится убитым горем работодателем, требующим у полиции найти убийцу.

– Все сказанное вами выглядит притянутым за уши.

– Я еще не закончил. Возьмем его пациента, Джона Хансена. Еще одно убийство, тем же неизвестным маньяком. Вот что я тебе скажу, Анджели. Я не верю в совпадения. А два совпадения в один день меня настораживают. Поэтому я спросил себя, нет ли связи между убийствами Джона Хансена и Кэрол Робертс, и неожиданно все стало казаться не таким уж случайным. Предположим, Кэрол вошла в кабинет и объявила доктору, что он скоро станет папашей. Она заявила, что он должен дать ей денег, жениться на ней или что-нибудь в этом роде. А в это время Джон Хансен сидел в приемной и мог все слышать. Возможно, доктор Стивенс не подозревал об этом, пока тот не улегся на кушетку и не стал угрожать ему разоблачением.

– Слишком много догадок.

– Но все сходится. Когда Хансен ушел, доктор осторожно выскользнул вслед за ним и устроил так, что тот уже ничего не мог сказать. Затем ему пришлось вернуться, чтобы избавиться от Кэрол. Он представил все так, будто это дело рук маньяка, и отправился в Коннектикут, разрешив все проблемы. А теперь он спокойно сидит и смотрит, как полиция сбивается с ног в поисках мифического психа.

– Я в это не верю, – сказал Анджели. – У вас нет доказательств.

– Что значит нет? А два трупа? Один – беременная дама, работавшая у Стивенса, другой – пациент, убитый в квартале от места его работы. Когда я попросил разрешения послушать записи бесед с Хансеном, доктор мне отказал. Почему? Кого оберегает доктор Стивенс? Я спросил, не знает ли он, кто мог взломать

дверь в его кабинет и что они там искали. Тогда мы могли бы построить стройную версию: взломщики поймали Кэрол и замучили ее, пытаясь выяснить, где находится это загадочное «что». Но знаешь, этого таинственного «что» нет. Его магнитофонные ленты никому не нужны. В кабинете нет ни наркотиков, ни денег. Значит, мы должны искать какого-то маньяка. Правильно? Но я в это не верю. Я думаю, что мы должны искать доктора Джада Стивенса.

– По-моему, – медленно произнес Анджели, – вам очень хочется засадить его за решетку.

Лицо Макгрейви побагровело от ярости.

– Потому что он виновен!

– Вы собираетесь его арестовать?

– Сначала я постараюсь доказать, что я прав. Но уж если я посажу его за решетку, он там и останется. – И, повернувшись, Мак грейви вышел.

Анджели задумчиво посмотрел ему вслед. Если не принять мер, Макгрейви своего добьется и доктор окажется за решеткой. Допустить этого он не мог. «Утром, – решил детектив, – надо поговорить с капитаном Бертелли».

На следующий день все утренние газеты на первых полосах поместили сообщения о злодейском убийстве Кэрол Робертс. У Джада возникло желание позвонить пациентам и отменить прием. Спать он так и не ложился, и теперь веки, казалось, налились свинцом. Но, просмотрев список назначенных на этот день, он подумал, что трое будут выведены из душевного равновесия, а еще двое просто придут в отчаяние, узнав, что не смогут прийти к нему. С остальными, впрочем, ничего бы не случилось. В результате Джад пришел к выводу, что не стоит менять распорядок дня не только ради пациентов, но и потому, что работа наилучшим способом позволяла отвлечься от мыслей о происшедшем.

Харрисон Бурк, важного вида седовласый мужчина, выглядел как руководитель крупной компании, кем он, впрочем, и был на самом деле: вице-президент «Интернэшнл стил корпорейшн». Когда Джад впервые увидел его, он подумал: то ли тот сам создал столь стереотипный образ, то ли образ создал Бурка.

Бурк лег на кушетку. К Джаду он попал два месяца назад через доктора Петера Хадли. Стивенсу хватило десяти минут, чтобы понять, что Харрисон Бурк – шизофреник, страдающий манией преследования. Вот и сегодня Бурк даже не упомянул об убийстве, происшедшем в этом кабинете прошлым вечером, хотя о нем сообщили все газеты. Что, впрочем, являлось типичным для его состояния: он замечал лишь то, что касалось его самого.

– Вы не верили мне раньше, – начал Бурк, – но теперь у меня есть доказательства, что они охотятся за мной.

– Я думал, что мы решили объективно подходить к этому вопросу, – осторожно заметил Джад. – Помните, в прошлый раз мы пришли к выводу, что воображение может…

– Это не воображение! – воскликнул Бурк. Он сел, его кулаки сжались. – Они пытались меня убить.

– Почему бы вам не лечь и не попытаться расслабиться? – предложил Джад.

– И это все, что вы хотите мне сказать? – Бурк вскочил на ноги. – Вы даже не хотите услышать мои доказательства! – Его глаза сузились. – А что, если вы – один из них?

– Вы знаете, что я не один из них, – вздохнул Джад. – Я ваш друг. Я стараюсь вам помочь. – Он испытывал разочарование. Улучшение, которого они, казалось, достигли за последний месяц, сошло на нет. Перед ним стоял тот же нервно вздрагивающий при каждом шорохе шизофреник, который вошел к нему в кабинет два месяца назад.

В «Интернэшнл стил» Бурк начал работать курьером. За двадцать пять лет его приятная внешность и врожденная приветливость позволили ему подняться практически на самый верх административной иерархии. Его прочили в президенты компании. Потом, четыре года назад, его жена и трое детей погибли во время пожара в их летнем доме в Саузамптоне. Бурк в это время находился на Багамах вместе со своей любовницей. Трагедия потрясла его. Воспитанный как ревностный католик, он не мог избавиться от чувства вины перед своими близкими. Он стал замыкаться в себе, меньше появляться на людях. По вечерам,

оставаясь дома, он вновь и вновь мысленно представлял свою жену и детей, гибнущих в пламени, в то время как он лежал в постели с любовницей. Если бы он остался с ними, то мог бы их спасти. Эта мысль превратилась в навязчивую идею. Он – чудовище. Он это знал. И Бог тоже знал. Конечно, это понимали и другие! Они ненавидели его так же, как он ненавидел себя. Люди улыбались ему и притворялись, будто испытывают к нему симпатию, а на самом деле выжидали, пока он сделает неверный шаг и попадет в ловушку. Но он оказался им не по зубам. Бурк перестал ходить в столовую, и теперь ему приносили ленч в кабинет. Он старался всех избегать.

Два года назад, когда президент компании подал в отставку, на его место пригласили человека из другой фирмы. Годом позже освободился пост первого вице-президента, и Бурка снова обошли. Ну разве это не доказательство, что против него существует заговор? Он начал следить за окружающими, а по ночам устанавливал в соседних кабинетах подслушивающие устройства. Через шесть месяцев его на этом поймали и не уволили лишь благодаря безупречному послужному списку.

Президент компании пришел к выводу, что Бурк перегружен работой, и, стараясь помочь ему, начал сужать круг его обязанностей. Но реакция оказалась обратной: Бурк решил, что от него стараются избавиться. Они боялись его, потому что он их умнее. Если бы он стал президентом компании, они остались бы без работы, потому что все они – круглые дураки. Бурк совершал ошибку за ошибкой. Когда же ему указывали на них, он негодующе отрицал свою причастность. Кто-то специально изменял его отчеты, путал цифры и статистические данные, стараясь его дискредитировать. Скоро Бурк понял, что за ним охотятся не только на работе. За ним постоянно следили на улице, его телефонные разговоры подслушивали, письма просматривали. Он практически перестал есть, потому что они могли отравить еду, и стал худеть прямо на глазах. Обеспокоенный президент компании договорился с доктором Петером Хадли и уговорил Бурка прийти к тому на прием. Поговорив с ним, Петер немедленно позвонил Джаду.

И вот теперь Харрисон Бурк, сжав кулаки, стоял перед ним.

– Расскажите мне о вашем доказательстве.

– Они ворвались в мой дом прошлой ночью. Они пришли, чтобы меня убить. Но я для них слишком умен. Я сплю в кабинете и, кроме того, врезал дополнительные

замки в каждую дверь, чтобы они не смогли добраться до меня.

– Вы сообщили о взломе в полицию?

– Конечно, нет! Полиция с ними заодно. Они получили приказ застрелить меня. Но они не решаются стрелять, когда вокруг люди. Поэтому я избегаю пустынных улиц.

– Благодарю, что вы сообщили мне эту информацию.

– Что вы собираетесь с ней делать? – заинтересованно спросил Бурк.

– Я внимательно слушаю все, что вы говорите. Кроме того, – Джад кивнул на включенный диктофон, – сказанное вами остается на пленке, чтобы, если они до вас доберутся, у нас осталось свидетельство о наличии заговора против вас.

– Боже мой, отлично! – Бурк широко улыбнулся. – Пленка. Ну, теперь они попались.

– Почему бы вам снова не лечь? – предложил Джад.

Бурк улегся на кушетку.

– Я устал. Я не сплю ночами, я не решаюсь закрыть глаза. Вы не представляете, каково это, когда все охотятся за тобой.

«Неужели?» – подумал доктор, вспомнив Макгрейви.

– Ваш слуга не слышал, что кто-то взламывает дверь? – спросил Джад.

– Разве я не сказал, что выгнал его две недели назад?

Джад стал быстро вспоминать последние беседы с Бурком. Лишь три дня назад тот красочно описывал свою ссору со слугой, которая произошла в тот же день.

– Мне кажется, вы не упоминали об этом, – осторожно заметил он. – Вы уверены в том, что слуга покинул вас две недели назад?

– Я никогда не ошибаюсь, – отрезал Бурк. – Как вы думаете, почему я стал вице-президентом одной из крупнейших компаний мира? Потому что я далеко не глуп, доктор, и, пожалуйста, не забывайте об этом.

– Почему вы его уволили?

– Он пытался меня отравить.

– Каким образом?

– Яичницей с ветчиной, щедро сдобренной мышьяком.

– Вы ее пробовали?

– Конечно, нет, – хмыкнул Бурк.

– Как вы узнали, что она отравлена?

– Я чувствую яд по запаху.

– Что вы ему сказали?

Бурк удовлетворенно улыбнулся.

– Я ничего ему не сказал. Просто как следует отлупил его.

Чувство разочарования охватило Джада. Он понимал, что смог бы помочь Бурку, если бы тот пришел к нему раньше. А теперь времени не оставалось. Практика психоанализа показывает, что в тот период, когда пациент непреднамеренно, бездумно говорит обо всем, что приходит ему в голову, облекая в слова любую случайную мысль или ассоциацию, тонкая оболочка цивилизации может лопнуть, открывая выход самым примитивным страстям и эмоциям, скрывающимся в подсознании, как хищные звери в дремучем лесу. Свободное

выражение словами всех мыслей – первый шаг в процессе психоанализа. Но в случае с Бурком этот шаг стал бумерангом. Беседы с Джадом освободили существовавшие в его подсознании агрессивные инстинкты. Казалось, с каждой встречей с доктором Бурку становилось лучше, он уже соглашался с Джадом, что никакого заговора нет, он просто переутомлен и испытывает нервное истощение. Джад думал, что они вот-вот перейдут к глубокому анализу и начнут атаку на причину заболевания. Но Бурк, оказывается, все это время врал. Он проверял Джада, не является ли тот одним из них. И теперь Харрисон Бурк превратился в ходячую бомбу с часовым механизмом, которая могла взорваться в любую минуту. Родственников у него нет. Значит, надо сообщить президенту компании, что означает конец карьеры Бурка. Его отправят в психиатрическую лечебницу. Прав ли он в том, что Бурк потенциально опасен для окружающих? Хорошо бы с кем-нибудь проконсультироваться, но Бурк никогда на это не согласится. Джад понимал, что решение придется принимать ему самому.

– Харрисон, я хочу, чтобы вы мне кое-что пообещали.

– Что именно? – подозрительно спросил Бурк.

– Если они попытаются обмануть вас, если они захотят совершить над вами насилие, им придется вас где-нибудь поймать. Но вы для них слишком хитры. Как бы они вас ни провоцировали, я прошу об одном: не применяйте к ним силу. В этом случае они вас не тронут.

– Господи, конечно, вы правы. – У Бурка загорелись глаза. – Вот какой у них план! Ну, мы их раскусили, не так ли?

Джад услышал, как открылась дверь в приемную, и взглянул на часы: прибыл следующий пациент.

– Думаю, на сегодня достаточно, – сказал он, выключая диктофон.

– Вы все записываете на пленку? – недоверчиво спросил Бурк.

– Каждое слово, – ответил Джад и, помолчав, добавил: – Мне кажется, вам не стоит идти сегодня на работу. Почему бы вам не поехать домой и немного отдохнуть?

– Я не могу, – прошептал Бурк, в его голосе сквозило отчаяние. – Если я не приду в кабинет, они тут же снимут с двери табличку с моим именем и повесят другую. – Он наклонился к Джаду. – Будьте осторожны. Если они узнают, что вы мой друг, то постараются добраться и до вас.

Бурк встал, подошел к двери, ведущей в коридор, и, приоткрыв ее, осторожно выглянул наружу. Затем он выскользнул из кабинета.

Джад смотрел ему вслед, размышляя о том, как решить будущее Харрисона Бурка. Если бы тот пришел к нему на полгода раньше… И тут неожиданная мысль пронзила доктора. А что, если Харрисон Бурк уже стал убийцей? Не имеет ли он отношения к смерти Джона Хансена и Кэрол Робертс? Бурк и Хансен – его пациенты. Они могли встретиться друг с другом. В последнее время Бурк неоднократно приходил следом за Хансеном. И часто опаздывал. Он мог видеть Хансена в коридоре. И вообразить, что тот следит за ним, угрожает ему. Что же касается Кэрол, то Бурк, приходя на прием, каждый раз видел ее. А вдруг ему почудилось, что она представляет для него опасность, от которой можно избавиться, лишь устранив Кэрол физически? Как давно болен Бурк? Его жена и трое детей погибли в результате несчастного случая. Случая? Надо узнать поточнее.

Джад подошел к двери, ведущей в приемную, и, открыв ее, сказал:

– Входите!

Анна Блейк грациозно поднялась с кресла и пошла к нему с улыбкой на лице. У него вновь, как и при первой встрече, быстро забилось сердце. Впервые после Элизабет он испытывал к женщине не только профессиональный интерес.

Что удивительно, в их внешнем облике не было совершенно ничего общего. Элизабет – невысокого роста голубоглазая блондинка, Анна – высокая брюнетка с огромными фиалковыми глазами в обрамлении длинных черных ресниц. Она напоминала знатную римлянку времен Империи, прекрасную и, казалось, недоступную, если бы не тепло, которым лучились ее глаза. Никогда еще Джад не встречал такой красавицы. Но не красота привлекла внимание Джада, а ощущение какой-то силы, которая влекла его к ней, необъяснимое чувство, будто он знал ее всю жизнь. В нем проснулись, удивляя своей остротой, казалось бы, давно умершие желания.

Она появилась в приемной Джада три недели назад. Кэрол объяснила ей, что время доктора расписано по минутам и у него нет возможности брать новых пациентов. Но Анна попросила разрешения подождать. Она просидела в приемной два часа, пока Кэрол, сжалившись, не отвела ее к доктору. Увидев Анну, Джад буквально остолбенел и потом так и не смог вспомнить, о чем они говорили в первые минуты. В его памяти отложилось лишь то, что он предложил ей сесть и что ее звали Анна Блейк. Когда Джад спросил, в чем заключается ее проблема, Анна, поколебавшись, сказала, что затрудняется с ответом. Она даже не уверена, есть ли у нее проблема. Кто-то из ее друзей, врач по профессии, как-то сказал ей, что Джад – один из лучших психоаналитиков страны, и она решила обратиться к нему. Когда Джад поинтересовался, как зовут ее приятеля, Анна уклонилась от ответа. Впрочем, подумал он, она могла найти его имя и в телефонном справочнике.

Он доказывал ей, что занят по горло и не может брать новых пациентов, предлагал обратиться к другим специалистам, но Анна спокойно продолжала настаивать на том, что хочет лечиться только у него. Наконец Джад сдался. Если не считать практически неуловимого внутреннего напряжения, Анна казалась совершенно спокойной, и он решил, что ее проблема достаточно проста. Джад нарушил свое правило никогда не принимать пациентов без направления от другого доктора и пожертвовал часовым перерывом на ленч. Но хотя Анна приходила два раза в неделю, он и теперь знал о ней не больше, чем после первой встречи. Впрочем, Джад узнал кое-что о себе. Он влюбился – первый раз после смерти Элизабет.

Когда Джад спросил, любит ли она своего мужа, он ненавидел себя за то, что хотел услышать в ответ слово «нет». Но Анна сказала: «Да. Он добрый человек и очень сильный».

– Где вы родились?

– В Ривьере, маленьком городке около Бостона.

– Ваши родители живы?

– Отец. Мать умерла от сердечного приступа, когда мне было двенадцать лет.

– Они ладили между собой?

– Да. Они очень любили друг друга.

«Это заметно», – радостно подумал Джад. После постоянного общения с психически больными людьми разговор с Анной воспринимался как глоток свежего апрельского воздуха в летнюю жару.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sidni-sheldon/sorvat-masku

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити